

© 1996 г. В. А. КОШЕЛЕВ

«ПРИЗНАЙТЕСЬ, ВЫ ВСЕГДА НАДЕЯЛИСЬ НА МОЕ ВЕЛИКОДУШИЕ» (К ПРОБЛЕМЕ: ПУШКИН И АЛЕКСАНДР I)

На основе анализа чернового пушкинского наброска — так называемого «Воображаемого разговора с Александром I» и ряда мемуарных свидетельств автор доказывает необходимость пересмотреть традиционные представления о взаимоотношениях поэта и царя, сложных, драматичных и все еще до конца не понятых.

The author analyses the draft version of Pushkin's so-called «Imaginary Talk with Alexander I» and some of the memoirs of the poet's contemporaries and suggests that traditional views on the dramatic and obscure relations between the poet and the czar should be revised.

Приведенная в заглавии фраза — «переломная» в структуре чернового наброска Пушкина «(Воображаемый разговор с Александром I)» (далее — «Разговор»), написанного в конце 1824 г. С. М. Бонди в замечательной работе, обосновывающей текстологию и проблематику этого наброска, указал, «что „Разговор“ предназначался для друзей Пушкина, принимавших то или иное участие в устройстве его судьбы», что в нем поэт хотел «направить» их возможные разговоры с царем, разъясняя ложность обвинений против него [1, с. 37]. Соответственно этой цели «Разговор» очень интересно построен. Он начинается «условной» конструкцией: «Когда б я был царь, то позвал бы А(лександра) П(ушкина) и сказал ему...» [2, т. XI, с. 23].

Еще в 1819 г. в развернутой стихотворной антитезе «Ты и я», намечавшей шутивно-серьезную оппозицию Пушкина и Александра, автор выделял основной ее показатель: «Ты прозаик, я поэт...». Пять лет спустя «поэт» становится на место «прозаика» и предлагает ему «позвать» опального поэта к себе и выслушать его «прозаические» аргументы. Царь задает Пушкину три вопроса: один о «возмутительных» стихах, за которые тот был выслан из столицы, другой — о разрывке с графом Воронцовым, третий — о мнимом «афеизме» поэта. На все вопросы Пушкин дает удовлетворяющие «прозаика» объяснения — тот готов отпустить его на свободу: в рукописи следовала незачеркнутая фраза: «Я бы тут отпустил А. Пу(шкина)» [2, т. XI, с. 298].

Но вот, на прощанье, государь произносит примирительную и «необязательную» фразу: «Признайтесь, Вы всегда надеялись на мое великодушие?» И Пушкин нечаянно «взрывается»: «...вы видите, что я бы ошибся в своих расчетах», говорит «много лишнего» и в конце концов попадает «в Сибирь» [2, т. XI, с. 24]. «У него есть свои обиды,— объясняет С. М. Бонди,— которые не позволят ему, встретившись с царем глаз на глаз, смиренно принять свободу из рук „смилостивившегося“ царя. Так легко не может закончиться борьба между представителем самодержавной власти и поэтом, борцом против самодержавия и

крепостного права» [1, с. 139]. Подобное толкование финала «Разговора» представляется нам излишне прямолинейным и чрезмерно социологизированным, ибо существо взаимоотношений Пушкина и Александра I отнюдь не вмещается в привычную антитезу «поэт и царь».

Были ли основания у Александра I произносить «под занавес» эту «воображенную» фразу? Если не было, то почему Пушкин так обиделся ей: в характере «воображенного» диалога, построенного как самооправдание поэта, было бы естественнее не обратить на нее внимания? Если были, то что именно в этих «основаниях» могло так обидеть Пушкина? И что именно «лишнего» мог он «наговорить»?

Через год с небольшим после «Разговора» Пушкин, узнавший о смерти Александра, заметил в письме к Жуковскому: «...я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба» [1, т. XIII, с. 258]. А спустя 10 лет в письме к жене, рассуждая о «трех императорах», виденных им, указал, что Александр его не «жаловал», а он с царем «не ладил» [1, т. XV, с. 130]. Однако факты свидетельствуют о более сложных и «нестандартных» отношениях.

Попробуем взглянуть на них с точки зрения Александра I. Отношения эти начались летом 1816 г.: именно тогда, встретившись с Пушкиным-лицеистом у Карамзиных [3, с. 113], Александр стал «выделять» молодого поэта из группы сокурсников. Тогда же принужден был разрешать его первый скандал: 17-летний лицеист, приняв в темном дворцовом коридоре фрейлину княжну В. М. Волконскую за ее горничную, поцеловал ее [4, с. 1, с. 83—85]. Разразился скандал; соответственно принятой при дворе этике, Пушкину угрожал суровое наказание: его могли «отправить солдатом в Финляндию» [4, т. 1, с. 161]. Тогда Александр впервые проявил «великодушие» в отношении к нему: он ограничился разговором с Е. А. Энгельгардтом и принял на себя «адвокатство» за молодого шалопаю [4, т. 1, с. 84].

Мемуары сохранили многочисленные приметы пушкинских «подсвистываний» по адресу Александра в 1817—1818 гг.: Пушкин в царскосельском саду передразнивал походку царя; встретившись с царем на Невском проспекте, намекал на то, что государь готов посадить его в Петропавловскую крепость; пустил остроу по поводу встречи Александра с медведем, сорвавшимся с цепи, и т. д. [4, т. 1, с. 91, 161—162 и др.]. Многие из этих «подсвистываний» не могли быть неизвестны императору, но тот предпочел оставить их без внимания. Без внимания он поначалу оставлял и вольнолюбивые стихи Пушкина, хотя со многими из них был знаком: «Не было живого человека, который не знал бы его стихов» (И. И. Пущин [4, т. 1, с. 91]). Осенью 1819 г. Александр высказал И. В. Ва-сильчикову желание прочесть что-нибудь из этих стихов. Тот представил ему «Деревню», которая, по свидетельству П. А. Вяземского, «отменно полюбила государю» [4, т. 2, с. 177], и он даже просил передать молодому автору благодарность. Такого рода отношение — на фоне возмущения какого-нибудь В. Н. Каразина [5, с. 173—174] — было несомненным проявлением «великодушия». Показательно, что уже в 1821 г. Александр в разговоре с Николаем Павловичем посоветовал тому прочитать «Руслана и Людмилу» и охарактеризовал автора поэмы как «повесу с большим талантом» [6, с. 275].

Весной 1820 г. дело о «возмутительных стихах» Пушкина приняло официальный оборот: император оказался поставлен в такие условия, когда уже нельзя было не обратить на них внимания. По Петербургу поползли слухи, будто «повеса» Пушкин был за свои стихи отвезен в тайную канцелярию и высечен; Пушкин, как он признался в позднейшем письме к Александру I (от июля — сентября 1825 г.), «впал в отчаяние, дрался на дуэли» (...) размышлял: «не следует ли мне покончить с собой»; затем решил вести себя предельно дерзко в отношении к правительству: «...я надеялся на Сибирь или на крепость как на средство к восстановлению чести» [2, т. XIII, с. 227—228]. Эти дерзости сразу же обратили на себя внимание: Пушкин публично читает политические эпиграммы, ходит по театру с портретом Лувеля и т. д. [6, с. 198—204]. Наконец, министр внутренних

дел В. П. Кочубей с подачи Каразина докладывает Александру об «армии вольнодумцев» и о «неблагоприятных» стихах Пушкина. Из всего доклада государя заинтересовывает лишь эпиграмма «На Стурдзу» («Холоп венчанного солдата...») [5, с. 175—177]. Она прямо «выводила» на международную политику царя: упоминавшееся убийство А. Коцебу было пиком европейского недовольства политикой «венчанного солдата».

Пушкину, по свидетельству П. И. Бартенева, «готовилась участь гораздо более тяжкая той, которой он подвергся» [7, с. 126]. По Петербургу вновь поползли слухи о том, что «повесу» собираются сослать в Сибирь, в Соловецкий монастырь [4, т. 1, с. 96, 212, 224, 237] и даже «в Испанию, где тогда была революция» (Н. А. Маркевич [4, т. 1, с. 165]). За Пушкина, по свидетельствам современников, вступились самые влиятельные лица: М. А. Милорадович, И. А. Копадистрия, И. В. Васильчиков, императрица Елизавета Алексеевна, Н. М. Карамзин, А. Н. Оленин и др., но Александр I, вероятно, сам был не прочь выказать свое «великодушие». Пушкин, «как он прежде просился еще в южную Россию» [4, т. 1, с. 1, 237], «не был сослан, а командирован от коллегии иностранных дел, где состоял на службе» [4, т. 1, с. 97], «с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности» [4, т. 1, с. 213]. Как свидетельствует ряд косвенных данных, «великодушие» государя простерлось еще далее. Вот хронология ряда событий мая 1820 г.

4 мая. Утверждение («Быть по сему») Александром I сочиненного Каподистрией от имени К. В. Нессельроде письма к И. Н. Инзову об отправляемом к нему на службу Пушкине. Соответствующий приказ Нессельроде с указанием «выдать на проезд тысячу руб. ассигнациями из наличных в коллегии на курьерские отправления денег».

5 мая. Письмо А. И. Тургенева к Вяземскому: «Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем. Мы постараемся отобрать от него поэму, проч(итаем) и предадим бессмертию, то есть тиснению». Нессельроде подписывает письмо к Инзову. Пушкин получает подорожную на проезд.

6 мая. Этой датой обозначена депеша Каподистрии, доставление которой к Инзову поручено Пушкину. Письмо А. И. Тургенева к С. И. Тургеневу: «Пушкин завтра едет к Инзову».

7 мая. К. Я. Булгаков пишет А. Я. Булгакову в Москву: «Пушкин-поэт, поэтов племянник, вчера уехал в Крым». Е. Н. Раевская в письме к А. Н. Раевскому упоминает Пушкина, с которым «забыла» послать письмо.

8 мая. Письмо А. И. Тургенева к С. И. Тургеневу: «Пушкин ускакал к Инзову курьером; пробудет с ним несколько времени и потом будет при Капод(истрии), если исправится».

7—13 мая. Рукопись «Руслана и Людмилы» оставлена у Л. С. Пушкина: он и С. А. Соболевский спешно готовят ее к печати.

14 мая. В. А. Жуковский подает в цензурный комитет поэму «Руслан и Людмила».

15 мая. Цензор И. А. Тимковский подписывает цензурное разрешение на поэму. А. Я. Булгаков в письме к К. Я. Булгакову спрашивает: «Зачем и с кем поехал молодой Пушкин в Крым?».

17 мая. Расписка С. Л. Пушкина в получении 1000 руб. от Жуковского за издание «Руслана и Людмилы» для пересылки Пушкину в Екатеринослав. Письмо Карамзина к Вяземскому: «...Пушкин, быв несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять. Ему дали рублей 1000 на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным. Долго описывать подробности, но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад».

19 мая. К. Я. Булгаков в письме к брату сообщает, что С. Л. Пушкин был у него и просил «переслать сыну денег через Инзова» (деньги были получены

уже 29 мая; такая быстрота заставляет предположить, что почт-директор послал специального курьера).

21 мая. И. И. Инзов сообщает Каподистрии о получении депеши, посланной Пушкиным, замечая, однако, что с последним он «не успел еще короче познакомиться».

26 мая. Заболевшего Пушкина в Екатеринославе навещают Раевские.

28 мая. Пушкин с Раевскими отправляется на Кавказ, затем в Крым [6, с. 207—214].

Приведенный хронологический свод наталкивает на ряд вопросов.

Когда все-таки Пушкин покинул Петербург? В «Летописи...» принята дата 6 мая, но указания в письмах современников очень противоречивы: А. Тургенев 5 и 6 мая указал, что Пушкин едет «завтра», менее осведомленный К. Булгаков от 7 мая написал, что он выехал «вчера», а сам Пушкин в дневнике от 9 мая 1821 г. отметил: «Вот уже ровно год, как я оставил Петербург» [4, т. XII, с. 303]. Пушкин, как правило, очень тщательно запоминал даты своей биографии. Да и путешествовал он, вероятно, очень неспешно, ибо прибыл к Инзову лишь 21 мая.

Почему К. Булгаков и Карамзин указали, что Пушкин выехал не в Екатеринослав, а «в Крым» (да к тому же «месяцев на пять»)? Почему Е. Н. Раевская собиралась послать с ним письмо к родным? Почему Инзов так легко отпустил ссыльного поэта с семьей Раевских? Не было ли это путешествие «в Крым» заранее оговорено с царем?

Почему «грозный» цензор Тимковский так быстро — за день! — разрешил к изданию «Руслана и Людмилу», поэму отнюдь не бесспорную в цензурном отношении? На этот вопрос, кажется, ответил сам Пушкин. Когда Н. И. Гнедич сообщил ему о своем намерении «приступить ко второму изданию Руслана», он заметил (в письме от 13 мая 1822 г.): «Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-й раз Руслана, нынче не опомнится и не загородит пути второму его пришествию?» [4, т. XIII, с. 62]. Цензурная «неволя» в данном случае может иметь только одно объяснение: существовало высочайшее разрешение на издание поэмы (данное, вероятно, одновременно с повелением о «благопристойной» высылке из столицы ее автора). Поэтому, кстати, активно обсуждавшееся критикой «неприличие» «Руслана и Людмилы» не вызвало никаких осложнений для цензора.

Откуда взялась та тысяча рублей, которую Жуковский уплатил С. Л. Пушкину в качестве гонорара за поэму? Скорее всего, от того же императора (поэтому Карамзин упоминает «рублей 1000» в ряду «милостей» Александра). Позже издатель «Руслана...» Н. И. Гнедич выплатил Пушкину еще и «обыкновенный» гонорар (500 рублей). С получением же «дополнительной тысячи» связаны были, вероятно, и спешка при переписывании поэмы (которая, по указанию Соболевского, «была в рукописи Пушкина очень небрежно написана» [7, с. 373]), и быстрая пересылка денег непосредственно через почт-директора.

Почему наиболее осведомленные в этой истории А. Тургенев и Карамзин в сообщениях своих подчеркивают, что Пушкин покидает столицу ненадолго, что он лишь «ускакал курьером» и после отдыха с Раевскими в Крыму «будет при Каподистрии, если исправится»? Вероятно, именно такими были обещанные Александром I условия служебного перевода Пушкина: максимальный срок ссылки определялся в те «два года», в течение которых Пушкин обещал Карамзину «ничего не писать противу правительства» [2, т. XIII, с. 167].

В данном случае Александр I блистательно сыграл роль «трогательно великодушного» властителя, что сильно ударило по самолюбию Пушкина (ср. в его черновом письме к Александру I от апреля 1825 г.: «Меня укоряли, государь, в том, что я когда-то рассчитывал на великодушие вашего характера...» [2, т. XIII, с. 166]).

Этот расчет на «великодушие» действительно оказался преждевременным. Выдворенный из столицы, но оставленный на службе, Пушкин оказался в полной власти императора. При этом в глазах света Александр выступал «почитателем»

и своеобразным «воспитателем» пушкинского таланта. 23 сентября 1832 г. М. П. По-годин (еще не знакомый с Пушкиным) записал в дневнике, передавая какие-то слухи: «Государь, прочтя Кавказ(ского) Плен(ника), сказал: надо помириться с ним» [8, с. 70]. Ни о каком «примирении» царь, однако, не думал. С его подачи министерство иностранных дел (сначала Каподистрия, потом Нессельроде) регулярно запрашивает сначала Инзова, потом М. С. Воронцова о поведении Пушкина; при этом государь оставляет без внимания доброжелательные отзывы Инзова, а о доносах Воронцова просит передать, что «вполне удовлетворен» ими [6, с. 269—271, 404, 405, 415, 418]. Начиная с 1823 г. (когда оговоренные «два года» истекли) Пушкин подает два прошения императору об отпуске в Петербург — «и два раза воспоследовал всемилостивейший отказ» [2, т. XIII, с. 86]: Александр предпочитает держать своего оппонента «на крючке». Когда же отчаявшийся поэт на пятом году ссылки пишет прошение на высочайшее имя об отставке [9, с. 836—837] (намекая таким образом на необходимость выполнения оговоренных условий), Александр, придравшись к первому попавшемуся поводу (двусмысленная фраза об «афеизме» в частном письме), повелевает о «перевод» Пушкина на жительство в Псковскую губернию, с тем чтобы он «находился под надзором местного начальства» [10]. Эта, уже официальная ссылка мотивируется тем, что по личному указанию царя он увольняется со службы «за дурное поведение» [6, с. 436].

В конце 1824 г., когда писался «Разговор», Пушкин очутился в парадоксальной и унижительной ситуации: он оказался в ссылке и одновременно в ореоле царского «великодушия», ибо даже ближайшие друзья уверены, что он продолжает «делать оппозицию» Александру (Вяземский [4, т. 1, с. 126]). Он единственный, кто вполне понимает «двоедушие» и «лукавство» императора. И в этой ситуации действительно готов предпочесть для себя кардинальное решение. В том случае, если бы царь «рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму Ермак или Кучум русским размером с рифмами» [2, т. XI, с. 24], все встало бы на свои места и Пушкин получил бы моральное право писать «историю (...) Александрову — пером Курбского» [4, т. 1, с. 450].

Именно такой смысл заключен, по нашему мнению, в неожиданном финале «Воображаемого разговора...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонди С. Черновики Пушкина. М., 1971.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16 т. М.: Л., 1937—1949.
3. Смирнова-Россет А. О. Автобиография: Неизданные материалы. М., 1931.
4. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1—2. М., 1985.
5. Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.
6. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский. Изд. 2-е. Л., 1991.
7. Бартенев П. И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992.
8. Цявловский М. Пушкин по документам Погодинского Архива//Пушкин и его современники. Вып. 19—20. СПб., 1916.
9. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.
10. Щеголев П. Е. А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов//Красный архив. 1930. Т. 38.